

Man Booker
International
Prize **2019**

Jokha Mohammed al-Harhi

CELESTIAL BODIES

Джоха Аль-Харти

Небесные тела

МОСКВА
2020

УДК 821.411.21-31(535)
ББК 84(50ма)-44
А56

Jokha Mohammed al-Harhi
CELESTIAL BODIES

Copyright © 2010, Jokha Alharthi
All rights reserved

Перевод с английского *Виктории Зарытовской*
Перевод стихотворений *Геннадия Калашникова*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Аль-Харти, Джоха.

А56 Небесные тела / Джоха Аль-Харти ; [перевод с английского В. Зарытовской, Г. Калашникова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-113540-9

В самолете, летящем из Омана во Франкфурт, торговец Абдулла думает о своих родных, вспоминает ушедшего отца, державшего его в ежовых рукавицах, грустит о жене Мийе, которая никогда его не любила, о дочери, недавно разорвавшей помолвку, думает о Зарифе, черной наложнице-рабыне, заменившей ему мать. Мы скоро узнаем, что Мийя и правда не хотела идти за Абдуллу — когда-то она была влюблена в другого, в мужчину, которого не знала. А еще она искусно управлялась с иглой, но за годы брака больше полюбила сон — там не приходится лишний раз открывать рот. Своя история и у ее сестер, Холи и Асмаа, у их матери Салимы, у своевольной бедуинки Наджи-Луны, полюбившей чужого мужа. Может, аль-Авафи и невелик, но у каждого здесь своя непростая судьба, свои горести и радости. Этот роман — удивительная панорама жизни мусульманского Омана, которая завораживает своей тихой глубиной и восточной атмосферой.

УДК 821.411.21-31(535)
ББК 84(50ма)-44

© Зарытовская В., перевод на русский язык, 2020
© Калашников Г., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113540-9

Посвящается моей матери

Шейх Саид ибн Мухаммед,
брат Масуда ибн
Хамада ибн Мухаммеда

Салима,
жена Аззана ибн Мийи

Хияляль

Сулейман (торговец),
муж Фатимы

Исхак

Тетя Абдуллы

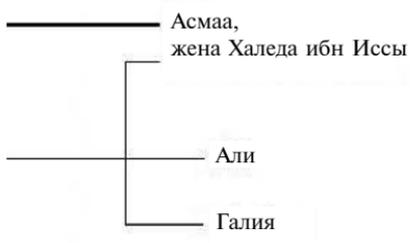
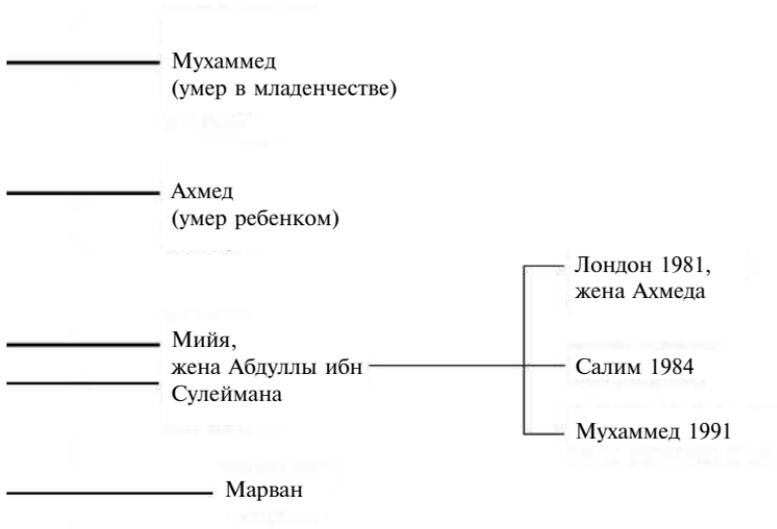
Исса ибн Шейх Али
(эмигрант)

Наджия бен Шайха
(Луна)

Паучиха (Бамбучина),
жена Насиба

Зарифа,
жена Хабиба

Масуда,
жена Зейда

Холя,
жена Нассера

Мийя

Мийя, занятая шитьем за черной швейной машинкой «Баттерфляй», пропадала от любви.

Безмолвная любовь, от которой каждый вечер она вздыхала. Волнами накатывали приступы плача, и она начинала дрожать всем своим худеньким телом. Порой ей казалось, что вот-вот сердце разорвется только от одного желания видеть его. Произнося утреннюю молитву, она поклялась: «Господь Всемогущий!.. Боже!.. Ничего не надо... Только взглянуть на него... Господи! Клянусь! Пусть не обернется даже в мою сторону... Только бы увидеть его». Мать думала, что у тихой бледной Мийи все мысли исключительно об отрезах ткани и нитках и что слышит она только жужжание швейной машинки. На самом деле, хотя Мийя и сидела как приклеенная за машинкой на деревянном стуле весь день и часть вечера и голову поднимала, только чтобы взять ножницы или вытащить катушки из пластиковой коробочки, до ее слуха доходили все звуки, которыми наполнен этот мир, и она могла разглядеть его во всех красках. Мать чувствовала себя

виноватой, что дочь плохо ест, и в глубине души надеялась, что талант мастерицы, равно как и ее скромность, будет оценен и ее введут в дом невестой. И вскоре жених нашелся.

Мийя сидела, склонившись над рукоделием, в углу зала, когда к ней с сияющим лицом подошла мать. Положив руку ей на плечо, она сообщила:

— Мийя! Дочка!.. Сын торговца Сулеймана сватается к тебе.

Мийя вздрогнула. Рука матери лежала на ее плече тяжелым грузом. В горле пересохло, и Мийе даже почудилось, что нитки обвились вокруг шеи, затягиваясь удавкой. Мать улыбнулась:

— Ну-ну... Я-то думала, ты уже взрослая, чтобы смущаться.

На этом все было кончено. Второй раз обсуждать не стали. Мать взялась за подготовку к свадьбе: выбирала наряды, смешивала благовония, заново перетягивала диванные подушки и разносила новость по родственникам. Сестры молчали, а отец полностью доверился жене — это ее девочки, в конце концов, да и свадьба — сугубо женское дело.

Мийя прервала молитву: «Господи!.. Я дала обет, не хочу ничего... Только посмотреть на него... Я обещала, не согрешу и никому не скажу о том, что у меня на душе... Во всем зареклась... Так зачем Ты послал мне сына этого Сулеймана?! В наказание за мою любовь?.. Но я же не призналась ему и даже сестрам не рассказала.

Зачем же Ты направил в наш дом сына Сулеймана? Зачем?!»

— Ты нас покинешь? — спросила Холя.

Мийя промолчала.

— Готова? — поинтересовалась Асмаа. — Выучила назубок наставления бедуинки дочке-невесте из «Книги преданий», что мы нашли тогда в чулане? — засмеялась она.

— Ничего такого там не было, — ответила Мийя.

Асмаа рассердилась:

— Да, тебе не до книг... Было такое в «Книге преданий», в красном переплете, на второй полке стоит... Бедуинка учит дочь, как подводить глаза сурьмой и как подавать блюда.

— Да, и что я должна смеяться, когда смеется он. И плакать, когда ему плохо. И довольствоваться тем же, — добавила Мийя.

— Да что с тобой, Мийя?! — вмешалась Холя. — Такого бедуинка не говорила... Ты имеешь в виду, что должна будешь делить с ним радости и печали?

— А кто о моих печалях подумает?

Слово «печали» прозвучало как-то непривычно, и настроение у сестер стало подавленным.

Когда Мийя впервые увидела Али бен Халефа, тот только вернулся ни с чем, без диплома, после нескольких лет учебы в Лондоне. Ее как молнией пронзило. Он показался ей настолько высоким, будто облако окутывало его сверху, и таким тонким, что ей хотелось заслонить его

от внезапного порыва ветра. Благородные черты. Что-то от святого. Как он был не похож на других людей, которые потели, храпели во сне и бранились по поводу и без. «Господь мой, хочу только взглянуть на него еще раз. Клянусь Тебе!» Она повстречала его в сезон сбора фиников. Он стоял, прислонившись к стволу пальмы, сняв из-за невыносимой жары шапочку. Глаза наполнились слезами. Она присела у первой же водяной мельницы и разревелась.

Мийя стремилась соединиться с ним, стать одним целым. Каждой частицей своего естества она тянулась к нему, чтобы слиться навеки. При этом ее дыхание обрывалось, а пульс едва не оставался. Всем сердцем она была с ним, совершенно выпадая из времени и словно растворяясь физически. Ее трясло, и она будто проваливалась в иное измерение, посылая в его сторону мощный поток своих чувств. Она ждала от него знака. Любого знака, который показал бы, что ее послание до него дошло. Но ответа не было.

«Клянусь, не хочу ничего, кроме как увидеть его. Таким же, с проступившей на лбу испариной и рукой, обнявшей ствол дерева. С плодом финика, тающим во рту. Клянусь, никому не скажу о тех чувствах, что раздирают меня изнутри. Пусть даже не заметит меня! Кто я такая?! Девочка, не знающая ничего, кроме кройки и шитья. Не столь умная, как Асмаа, и не такая красавица, как Холя. Еще на месяц хватит у меня терпения. А потом Ты ведь позволишь мне увидеть его? Я обещаю,

не впаду в грех, не помыслю даже ни о чем, что вызовет Твой гнев. Я и не думаю о том, чтобы коснуться его волос или руки. И не мечтаю стереть с его лба капельки пота, когда он встанет в тень под ветвями пальмы». Слезы у Мийи лились не переставая. А когда к ним в дом явился сын торговца Сулеймана, ей пришлось прервать молитву и вернуться к ней только после процедуры заключения брака. Все это из-за того, что клятва ее была неискренней и обман сквозил в каждом слове! Это все наказание за ее проступок!

Когда через несколько месяцев Мийя забеременела, то, помня рассказ матери о том, как тяжело та разрешалась, надеялась только на легкие роды. «Погналась во дворе за курицей, чтобы зарезать ее дяде. Он без предупреждения зашел к нам на обед. И тут от боли я свалилась на землю и стала перекатываться из стороны в сторону. Твой отец привел повитуху Марею. Едва увидев меня, она заключила: «Пора!» Помогла мне подняться, отвела в комнату, затворила наглухо двери, поставила меня ровно и подняла мне руки, приказав вцепиться как можно крепче в балку, вбитую в стену. Но ноги мне отказывали — подгибались, и она, да будет милостив к ней Аллах, завопила: «Что за срам!.. Дочь шейха Масуда собралась рожать лежа, стоять не в силах!» И я стояла, держась за балку, пока ты, Мийя, не выскользнула мне в шаровары, в которых запуталась, едва не задохнувшись. Но Марея вовремя разжала мне руки и вытащила тебя... Вот так, ей-богу, ни

одна живая душа этого не видела... А сейчас вы едете в больницу в Маскяд и выставляетесь на показ индускам и христианкам. Ей-богу, Мийя, тебя с сестрами я рожала стоя, что кобылица... Да помилует Аллах повитуху Марею... Когда обеими руками я хваталась за балку, она орала на меня: «Ой и плохо тебе будет, если услышу твои стоны... Все так рожают... Позора не оберешься, если пискнешь... Обесчестишь себя, дочь шейха!» Я и слова не проронила, только все повторяла: «Господи, господи». А сегодня женщины рожают лежа, и все мужчины в больнице слышат их вопли... Пропал стыд... Вот так, ей-богу...»

Когда живот Мийи стал большим и округлился до того, что и спать было неудобно, она попросила мужа:

— Послушай! Я не рожу тут с повитухами, отвези меня в Маскяд...

— Тысячу раз повторял тебе: Маскат! Маскат! А не Маскяд! — не дал он ей договорить.

Но она, будто не слыша, закончила:

— Хочу рожать в «ас-Саада».

— Чтобы моего сына приняли руки христианки?

Мийя замолчала. Но когда срок подошел, он взял ее в дом своего дяди в Вади Удей, поближе к клинике иностранной миссии «ас-Саада», где на свет появилась их крохотная дочка.

Разомкнув веки, Мийя увидела свою мать, держащую на руках внучку, и снова провалилась в сон. Потом очнулась от того, что к груди при-

ложили ребенка. Когда муж пришел посмотреть на новорожденную, Мийя объявила ему, что хочет назвать девочку Лондон. Он рассудил, что, должно быть, жена бредит после родов. Но на следующий день, когда Мийя в сопровождении матери вернулась в дом дяди мужа, она повторила его родне, что девочку зовут Лондон... Жена дяди приготовила для нее наваристый куриный бульон, испекла тонкие лепешки и напоила настоем пажитника с медом, затем помогла вымыть руки, присела на край постели и обратилась к ней:

— Мийя, дочка!

— Да?

Она погладила Мийю по плечу.

— Ты не передумала давать ребенку такое странное имя? Разве кого так зовут? Лондон!.. Это ж название города... Не нашего, не мусульманского... Мы все в толк взять не можем... Ты в себя еще не пришла, потом еще раз обдумай, как назвать девочку. Можно в честь твоей матери — Салима.

Мать Мийи, услышав это, запротестовала:

— Зачем, уважаемая, называть моим именем, я все-таки еще живая как-никак! Вы так смерть на меня накличете! Если ребенок мое имя заберет, то и место мое среди живых займет. Жена дяди опомнилась.

— Боже упаси! Ведь многие называют детей в честь живых родителей, и те живут еще долго в добром здравии... Да убережет тебя, Салима,